

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 14.

5 АПРѢЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
изгородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальных: Ленгольда и братьевъ Шпальбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кптнера, кв. № 23.

КОНЧИНА АНДЖІОЛИНЫ БОЗІО.

Прошедшая недѣля ознаменовалась горестнымъ для артистическаго міра событіемъ: во вторникъ, въ половинѣ четвертаго часа по полудни, скончалась знаменитая примадонна нашей итальянской оперной труппы, такъ горячо любимая нашей публикой, Анжіолина Бозіо. Извѣщая въ прошедшемъ номерѣ о болѣзни ея, мы надѣялись, что смерть пощадитъ великую артистку: надеждѣ нашей не суждено было осуществиться. Лучшие врачи столицы, въ томъ числѣ гг. Экъ и Каррель, истощили всѣ средства, которыя давали имъ опытность науки и дарованія,—старанія ихъ остались тщетны: видно болѣзнь была сильна, видно организмъ былъ слишкомъ сильно потрясенъ. Мы слышали, что на возвратномъ пути изъ Москвы она простудилась, а по приѣздѣ сюда обнаружилось сильное воспаленіе въ легкихъ, противъ котораго она боролась нѣсколько недѣль. Вчера происходило отпѣваніе ея бранныхъ останковъ въ католической церкви св. Екатерины и исполненъ реквиемъ Моцарта, (г-жа Бокъ исполнила тоже извѣстную арію Страделлы *di chiese*) а затѣмъ погребеніе на кладбищѣ св. Маріи. Стеченіе народа было необыкновенное. Всѣ хотѣли отдать послѣднюю дань той, которая доставляла намъ столько наслажденій. Гробъ, усыянный роскошными цвѣтами, вынесли изъ церкви близкіе знакомые усопшей и студенты Императорскаго Санктпетербургскаго Университета. Во все продолженіе болѣзни г-жи Бозіо, ея пріемная комната въ домѣ Демидова, на Невскомъ проспектѣ, была постоянно полна посѣтителями, приходившими осведомляться о ея здоровьѣ. Госпожѣ Бозіо не было еще трид-

цати лѣтъ: смерть похитила ее въ цвѣтѣ жизни, во всей силѣ ея громаднаго дарованія. Искусство потеряло въ ней одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представительницъ. Она принадлежала къ весьма ограниченному въ настоящее время числу пѣвицъ, которыя, придерживаясь прежней хорошей школы, чуждаются ложнаго направленія современной манеры пѣнія, и въ своемъ родѣ, безъ сомнѣнія, занимала первое мѣсто въ числѣ современныхъ знаменитостей. Увы! потеря ея долго, долго незамѣнима. Наша горестъ объ ея утратѣ такъ сильна еще, что мы чувствуемъ себя не въ состояніи прибавить что-либо къ сказанному нами; мы прослѣдимъ все артистическое поприще великой пѣвицы въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Вѣстника» и тогда постараемся опредѣлить всю важность удара, нанесеннаго этой неожиданной смертью искусству. Сегодня заключаемъ некрологъ нашъ стихами, доставленными въ редакцію однимъ изъ многочисленныхъ ея поклонниковъ —А. И. Антоновымъ:

Вѣсть грустная всѣхъ поражаетъ,
Намъ говорить: она больна!
Невольно сердце замираетъ.
Неужели не пощадитъ судьба!
Не пожалѣетъ той, которая умѣла
Намъ о небесномъ говорить!
Намъ надо, чтобъ она предъ нами вѣчно шла,
Ей надо вѣчно съ нами жить.
(31 марта 4 часа.)
Ее ужъ нѣтъ, пѣснь лебедя пропѣта,
Сомкнулись навсегда уста
И не раздастся болѣе для свѣта
Сребристый голосъ соловья.

Къ № 14-му прилагаются: «Tossata», соч. Габерцеттеля, и «Polka-fantaisie» Леопольда Мейера.

По случаю Свѣтлаго Христова Воскресенія, слѣдующій № (15-й) выйдет 19-го апрѣля.

Содержаніе: Кончина Бозіо. — Концерты (А. Сѣрова и М. Раппапорта). — Московскій Вѣстникъ (Корреспондента). — Вѣсти отсюда (М. Р.). Юность Бетховена (окончаніе). — Новонизданныя музыкальныя сочиненія.

КОНЦЕРТЫ.

Героическая симфонія. — Lobgesang. — «Чаконна» Баха. — Тріо Ф. Шуберта. — Квинтетъ А. Рубинштейна. — Испанская увертюра Глинки. — Увертюра М. Балакирева. — Живыя картины.

Концерты—предметъ для журнала спеціальнаго по музыкѣ неистощимый. Много разъ выражено было въ нашихъ столбцахъ замѣчаніе, что одні «программы» концертовъ вообще могутъ дать обильнѣйшую пищу для музыкально-критическихъ разсужденій, а если встрѣчаются исполненія созданій капитальныхъ, тузовыхъ, если встрѣчаются высоко-замѣчательные исполнители, если встрѣчаются полезнѣйшія нововведенія на этомъ полѣ, могутъ ли оскудѣвать наши отчеты? Теперешній сезонъ, гдѣ въ быстрой очереди дня за днемъ, какъ въ картинахъ волшебнаго фонаря, смѣняются образцовыя музыкальныя творенія разныхъ стилей, разныхъ родовъ, разныхъ степеней гениальности, разныхъ по назначенію и по впечатлѣнію,—не богаче ли для мыслей о музыкѣ, нежели сезонъ итальянской оперы, гдѣ все разнообразіе одного года въ сравненіи съ другимъ состоитъ въ томъ, что, напримѣръ, въ прошломъ году чаще давали Трубадура нежели Ломбардцевъ, а къ нынѣшнему болѣе Ломбардцевъ нежели Трубадура—?

Упомянувъ только о замѣчательномъ, оставивъ, слѣдовательно, въ сторонѣ такъ—называемые «большіе вокальные и инструментальные концерты» гг. машинистовъ, декораторовъ и бутафоровъ, скажемъ о второмъ симфоническомъ концертѣ Императорской Театральной Дирекціи, о третьемъ квартетномъ вечерѣ г. Лауба и о концертѣ г. Вителаро съ живыми картинами А. Роллера.

Давъ публикѣ насладиться великою «насторальною» симфоніею, во второмъ своемъ концертѣ Дирекція Театровъ назначила другой Бетховенскій колоссъ, симфонію героическую.

Эта третья изъ симфоній Бетховена есть чудо музыки со всѣхъ возможныхъ сторонъ.

Прежнія, — для насъ нынѣшнихъ, зѣло-«отсталая» — критика смотрѣла на Бетховенскія симфоніи не иначе какъ на болѣе или менѣе удачныя издѣлія музыкальнаго ремесла. Въ старину было неизмѣннымъ правиломъ хоть что-нибудь да порицать въ художественномъ произведеніи, т. е. за одно автора погладить по головкѣ, за другое пожурить; «иначе»,

думали эти велемудрые господа, «что же и за критика, когда *ничего* критиковать?»

Красоты перваго Аллегро, Адажіо (похороннаго марша) и Скерцо слишкомъ-ослѣпительны даже и для этихъ Минусовъ и Радамантовъ музыкальнаго царства; такимъ образомъ за первое Аллегро, за маршъ и за скерцо Бетховенъ удостоился отъ нихъ диплома на нѣкоторую способность къ симфоніи, на нѣкоторый талантъ, хотя, разумѣется, странный, капризный, не очищенный во вкусѣ (*bizarre et extravagant*), не наряду съ гениемъ Моцарта, но все-таки довольно-замѣчательный для послѣ-Моцартовыхъ временъ *унадка* симфоническаго стиля. (Все это разсужденіе вы можете цѣликомъ встрѣтить въ знаменитомъ трехтомномъ панегирикѣ Моцарту).

За-то Минусы и Радаманты напустились на Бетховена по случаю *финала* героической симфоніи. «И тривиально, и плохо по контранпункту, и несвязно, и вообще-слабенько, и — какъ не подъ-пару предыдущимъ, красивымъ частямъ. Первое Аллегро — прелесть; маршъ хорошъ, но испорченъ не-ловкимъ фугато и *чрезмѣрною* длиною, — надо бы поурѣзать; «финалъ рѣшительно неудаченъ, — въ видахъ пользы симфоніи «его *слѣдуетъ замѣнить* великолѣпнымъ финаломъ (C-dur) «изъ 5-й симфоніи (C-moll). Тогда только героическая симфонія округлится какъ слѣдуетъ и будетъ вполнѣ достойна «своего названія и своей программы».

Вотъ вамъ, въ сокращенномъ видѣ, приговоръ изрѣченный героической симфоніи многими знатоками (!) изъ современниковъ Бетховена, *модный* въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка и, на позоръ музыкальнаго человѣчества, повторенный слово въ слово очень недавно въ выходкѣ противъ Бетховена, напечатанной *въ 1857 году*, издѣвленіемъ «достопочтеннаго» нашего соотечественника (*Sit illi terra levis*).

Въ этой книгѣ, порожденной смѣшеніемъ вкусовъ:

«Французскаго съ нижегородскимъ»,

въ этомъ продуктѣ незнанія и самолюбія до слѣпоты и глухоты ко всему, что на свѣтѣ дѣется, въ этомъ любопытномъ въ своемъ родѣ памятникѣ заблужденія человѣческаго, колоссальная ошибка — въ родѣ «эстетики» Гоголевой Агаѣи Тихоновны, которая для своего «идеала» перетасовываетъ носы, губы и подбородки своихъ жениховъ, — сужденіе о *возможности замѣнить* (!) финалъ героической симфоніи финаломъ изъ пятой — составляетъ еще не самую замѣтную нелѣпость. Все это, въ своемъ родѣ, почти столько же «колоссально», какъ и самая героическая симфонія. Не всякій способенъ стяжать безсмертіе и съ *отрицательной* стороны!

Теперь, если я вамъ скажѹ, что финалъ героической симфоніи есть великолѣпнѣйшій ея *вънецъ*, что вся симфонія (несколько не портретъ Наполеона I и не «батальная» живопись) тяготеетъ къ своему финалу, что *красоты*, изумительной красоты въ немъ ни на волосокъ не меньше (если не больше), какъ и въ трехъ предыдущихъ частяхъ, что и по изобрѣтенію, и по контранпункту, и по инструментовкѣ это неисчерпаемый родникъ прелестей, вы, конечно, не потребуете, чтобъ я вамъ здѣсь *доказалъ* такое свое убѣжденіе. Для *доказательствъ*, какъ я ихъ понимаю въ этихъ предметахъ, надобно:

Во-первыхъ, прочитатъ вамъ длинную лекцію объ *организмѣ* музыкальныхъ созданій вообще, съ бездною примѣровъ (нотами или звуками).

Во-вторыхъ, прочитатъ не менѣе длинную лекцію о томъ, чѣмъ должна быть *симфонія*, въ ея Бетховенскомъ идеалѣ,

—это опять съ цѣлымъ арсеналомъ подкрѣпленій изъ партитуръ, и наконецъ

Въ-третьихъ, разобрать по косточкѣ весь огромный финалъ en question, чтобы прослѣдить всѣ его чудеса, шагъ за шагомъ, съ ихъ стороны технической и эстетической.

Чтобы избавиться отъ подобной рацен, не лучше ли прямо повѣрить мнѣ па-слово—?

Исполненіе симфоніи было весьма-исправно въ общемъ, хотя «пасторальная» шла съ многихъ сторонъ лучше этой.

Вторую часть концерта наполняла Мендельсонова симфонія-кантата «Lobgesang».

Благодарность, выраженная мною въ прошлый разъ необыкновенно-полезному учрежденію этихъ большихъ симфоническихъ концертовъ, не позволяетъ мнѣ быть вполне строгимъ къ составу программъ, не позволяетъ высказать безъ оговорокъ, что *этой симфоніи-кантатѣ* было не-мѣсто въ первыхъ симфоническихъ концертахъ для петербургской театральной публики, которая,—повторяю, такъ рѣдко имѣла случай наслаждаться исполненіемъ большихъ, сложныхъ музыкальных произведеній изъ числа *первоклассныхъ*.

Безъ сомнѣнія и въ этой кантатѣ Мендельсонъ не безъ огромныхъ достоинствъ, но въ іерархіи всѣхъ извѣстныхъ большихъ вокально-инструментальныхъ сочиненій эта «хвалебная пѣснь» займетъ мѣстечко весьма невидное и незавидное.

Это—пѣса, написанная на случай (для празднества открытія памятника Гуттенбергу, во Франкфуртѣ, въ 1847 году), и какъ всѣ подобныя заказныя работы-скороспѣлки (въ томъ числѣ и *Бетховенова* кантата «der Glorreiche Augenblick», по случаю вѣнскаго конгресса, въ 1814 г.) выказываетъ большую или меньшую степень навыка, рутины въ композиторѣ, но по вымыслу, по изобрѣтенію принадлежитъ къ области *посредственнаго, дюжиннаго* и, слѣдовательно, эфемернаго въ искусствѣ.

У васъ подъ руками богатѣйшій оркестръ, богатѣйшій персоналъ хоровъ, весьма-удовлетворительные солисты, публика ждетъ, жаждетъ высокихъ наслажденій отъ такой массы музыкальных орудій...

Между тѣмъ сколько на свѣтѣ *оперъ*, которыхъ Петербургъ теперь не слышитъ и, быть можетъ, долго еще не услышитъ, оперъ Глюка (Армида, Альцеста, Орфей, двѣ Ифигеніи), оперъ Моцарта (Волшебная Флейта, Così fan tutte, Бельмонте и Констанца, Фигаро), оперъ Керубини (Медея, Водовозъ), оперъ Мегюля (Юсифъ, Стратоника, Евфрозина, Ариоданъ), оперъ Вебера (Эврианта, Оберонъ), оперъ Шпора съ частями прелестными (Фаустъ, Иссонда), оперъ Вагнера (Тангейзеръ, Лозенгринъ, Корабль-призракъ)! — Кромѣ оперной музыки, откуда хоры и цѣлыя сцены составили бы репертуаръ самый разнообразный на многіе годы концертовъ, кромѣ театральнаго стиля, есть произведенія ораторныя.

Ораторіи Генделя (цѣлыми *десятками*), ораторіи Гайдна (двѣ: Сотвореніе міра и Четыре времени года, изъ которыхъ и отдѣльныя *части* могутъ съ успѣхомъ быть исполняемы въ такихъ концертахъ), ораторіи Мендельсона (которыя обѣ, и «Paulus» и «Elias», въ 100 разъ лучше, нежели «Lobgesang»), драматическія фантазіи Берліоза; потомъ, еще серьезнѣе:

«Реквиемъ» Моцарта.

«Реквиемъ» Керубини.

Мессы Керубини, мессы Бетховена, Баха—!

По мнѣнію нашему, весьма-посредственное произведеніе Мендельсона—*прототипъ* того «несчастнаго» рода музыки, куда

принадлежатъ всѣ «океаны» способные только потопить въ себѣ своихъ авторовъ, прежде чѣмъ изольются въ Лету—?

Снотворность Мендельсоновыхъ хоровъ утомила вниманіе и помѣшала даже впечатлѣнію отъ гениальной увертюры къ Тангейзеру (которая, вопреки первой афишѣ, поставившей ее очень на-мѣстѣ—для открытія второй части концерта, вдругъ появилась въ самомъ концѣ всего вечера, для разѣзда! а это было невыгодно и для «Леоноры» Бетховена въ первомъ концертѣ).

Исполненіе самой увертюры было не такъ удачно, не такъ горячо какъ въ Филармоническомъ концертѣ. Во всемъ тутъ Мендельсонъ виноватъ, съ его безконечно-протянутою «кантеллою» скучной псалмодіи!

И въ театрѣ горячія рукоплесканія служили опять утѣшительнымъ фактомъ, что музыка Вагнера большинству нашей публики весьма и весьма нравится, а что было бы, еслибъ у насъ слышали эту музыку въ ея неразрывной связи съ драмой, со сценическимъ представленіемъ—?

Посѣтителей было больше, чѣмъ въ первомъ концертѣ, и много даже въ безъ-этажѣ. Добрый знакъ! Чтобы что-нибудь хорошее у насъ *принялось*, надо прежде всего, чтобы это хорошее вошло въ моду, а уставщикамъ моды,—всегда лица такъ-называемаго большаго свѣта.

Квартетные вечера Ф. Лауба продолжаютъ привлекать избранное общество поклонниковъ серьезной музыки. (Записные пталляноманы, энтузіасты къ Травіатамъ и Трубадурамъ, бѣгутъ, не оглядываясь, при одномъ имени Баха или Бетховена.)

На третьемъ вечерѣ былъ исполненъ квартетъ *cis-moll* Бетховена, ор. 131 (объ этихъ *последнихъ* квартетахъ поговоримъ въ отдѣльной статьѣ), тріо Франца Шуберта (B-dur) для ф. п., скрипки и виолончеля (гг. Леви, Лаубъ и К. Шубертъ), «Чаконна» Себастьяна Баха для одной скрипки и виолончели (для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и виолончеля) А. Рубинштейна.

Тріо Франца Шуберта, несмотря на знаменитость композитора, весьма не знаменито само-по-себѣ, т. е. въ двухъ смыслахъ: и не пользуется особою славою, и не заслуживаетъ ея. Это—вѣнская музыка, въ легкомъ и нѣсколько-остатомъ стилѣ; въ *сущности* это—пустячки, погремучки.

Исполненіе тріо было весьма-хорошее, но это не пособило несомнѣнно удачному *выбору* этой музыки, тогда какъ на мѣсто ея мы могли бы слушать одно изъ созданій Бетховена, одну изъ его сонатъ со скрипкой, одно изъ его семи фортепианныхъ тріо.

«Чаконна» Баха, опять—изумленіе смычку и лѣвой рукѣ Лауба, его густѣйшему *тону*, широкой *тесью* звука подъ его смычкомъ, усиливающимъ скрипку вчетверо противъ обыкновеннаго, его деликатѣйшимъ оттѣнкомъ въ «*pianissimo*», его безподобнѣйшей фразировкѣ съ глубокимъ вынканіемъ въ глубокой стилъ Баха!—Что за гений этотъ Бахъ! Возметъ одну мысль и проводить ее все глубже и глубже, вживается въ нее, и вмѣстѣ съ этою мыслию видѣруется въ тайники души! Слушая *эту* восхитительную музыку въ восхитительномъ Лаубовомъ исполненіи, начинаешь недоумѣвать можетъ ли быть на свѣтѣ еще *иная* музыка, совсѣмъ *иной* стилъ, (не полифоническій), можетъ ли имѣть *иной* стилъ право гражданства въ искусствѣ—столько *полное*, какъ безконечно-органической, многоголосный стилъ великаго Себастьяна—?

А чудесная, серьезная виртуозность Лауба наводитъ насъ на грустныя мысли, что съ отъѣздомъ этого отраднаго го-

ста, Петербургъ—городъ столько блистательный въ разныхъ отношеніяхъ, одна изъ первѣйшихъ столицъ міра,—опять *осиротѣетъ* въ отношеніи «первостепенной» скрипки. Былъ у насъ Вьѣтанъ—и насъ покинулъ; Лауба мы не стараемся переманить изъ Берлина!

Въ заключеніе вечера исполнялся *квинтетъ* А. Рубинштейна, квинтетъ заранее превознесенный до небесъ поклонниками этого пианиста, какъ сочиненіе гениальное, дивное («ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать»).

Любопытство напряжено, будемъ слушать какъ можно внимательно...

Странное дѣло творчество г. Рубинштейна! Надобно придти къ мысли, что ему никакъ нельзя отказать въ талантѣ, если подъ талантомъ будемъ разумѣть способность производить нѣчто проникнутое особенностью,носящее на-себѣ индивидуальный отпечатокъ.

Эти особенности стиля, этотъ оригинальный отпечатокъ музыкальной производительности могутъ быть конечно чрезвычайно-разнообразны, иногда прямо-противуположны другъ другу.

Есть въ музыкѣ произведенія, которыя по нѣкоторой необычности формы, по глубинѣ художественной мысли, по сложности фактуры, могутъ *на первый разъ* показаться чѣмъ-то несимпатическимъ, непріязненнымъ, почти не музыкальнымъ, но потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше свыкается съ ними слухъ нашъ, съ каждымъ разомъ открываетъ въ нихъ новыя глубокія красоты, новыя безпредѣльные горизонты. Таковы многія созданія Шумана, Баха, Бетховена, особенно изъ его послѣднихъ, таковы многія части оперъ Вагнера. Все это никакъ не можетъ *вдругъ* возбудить общее сочувствіе. Все это ждетъ своего времени, пониманья достаточно подготовленнаго, развитаго.

Есть въ царствѣ звуковъ и другаго рода произведенія, съ притязаніемъ на серьезность и глубину, съ преодоленіемъ техническихъ сторонъ музыкальнаго дѣла, съ усвоеніемъ себѣ разныхъ эффектныхъ замашекъ, но безъ внутренней музыкальной *сердцевины*. Какъ въ предъидущемъ случаѣ превосходная музыка будто закрыта до-времени какимъ-то облакомъ, туманомъ, къ которому надо привыкнуть, чтобы онъ разсѣялся передъ просвѣтленнымъ сознаніемъ красоты и мысли,—такъ, наоборотъ, здѣсь—*не-музыка* облекается «въ костюмъ музыки», и щеголяя въ этомъ «домино», взятомъ на прокатъ, хоть отъ Мендельсона, до-времени обморочиваетъ и большинство публики, и даже меньшинство, т. е. людей знающихъ. Всѣмъ кажется, и *можетъ* казаться, что тутъ есть и что-то красивое, и что-то глубоко-задуманное, и музыкальная поэзія, и поэтическая музыкальность, а на самомъ дѣлѣ *ничего этого нѣтъ*. Присмотритесь поближе (т. е. прислушайтесь чаще, да съ толкомъ, съ анализомъ), вы увидите, что вмѣсто красавицы-музыки доминно прикрываетъ наглую *претензію*.

Къ такой категоріи, по крайнему своему разумію и ни-кому не навязывая своихъ убѣжденій, я отношу музыку А. Рубинштейна.

Послѣ пресловутаго и очень-длиннаго квинтета впечатлѣніе... такое же, какъ и послѣ знаменитой симфоніи.

Если симфонія названа «Океаномъ», почему же было не выставить въ заглавіи квинтета: «Сушь»?—по крайней мѣрѣ мы знали бы, чего тутъ ждать.

Жаль, что наше время не можетъ еще высвободиться отъ дѣянія скучной Мендельсоновщины и что именно *вредная для*

искусства, слабая сторона великаго таланта, создаваго гениальную музыку къ Сну въ лѣтнюю ночь, нашла такого ретиваго и плодovitаго продолжателя въ Рубинштейнѣ! Жаль, что все это пользуется уже извѣстностью, репутаціею и вытѣсняетъ изъ программы серьезнѣйшихъ концертовъ или квартетныхъ вечеровъ то, что *слѣдуетъ* слышать!

Не будь на свѣтѣ «хвалебной пѣсни» Мендельсона и мы услышали бы во второмъ концертѣ Дирекціи какія-нибудь капитальнѣйшія изъ музыкальных чудесъ!

Не будь на свѣтѣ Рубинштейнова «квинтета», мы на третьемъ изъ столько рѣдкихъ въ своемъ родѣ вечеровъ Лауба любовались бы квинтетомъ Моцарта, Бетховена, или—что еще лучше—квartetомъ Гайдна! Лаубъ такъ дивно исполняетъ квартетную музыку, а на Гайдна въ составѣ своихъ программъ посягнулъ...

Въ воскресенье, 29-го марта, состоялся въ Большомъ Театрѣ концертъ г. Вителіро, рачительнаго дирижера хоровъ русской оперной труппы. Объ этомъ концертѣ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ, потому что въ немъ исполнялось многое очень-замѣчательное, притомъ были повторены превосходныя живыя картины, поставленныя А. Роллеромъ, и въ свою очередь должны служить поводомъ къ нѣкоторому замѣчанію изъ области эстетики.

Кромѣ нѣсколькихъ блистательныхъ нумеровъ изъ оперы «Жизнь за Царя» (увертюра, интродукція, тріо перваго акта, полонезъ), мы слышали еще отличное произведеніе нашего великаго роднаго музыканта: увертюру (или фантазію для оркестра) на испанскую плясовую мелодію (La jota aragonesa). Что за прелесть и въ обработкѣ гармонической, и въ чудныхъ подробностяхъ оркестровки! Что за огонь, увлеченіе въ цѣломъ созданіи, такъ и кипящемъ знойною южною жизнію! Арфа и пиццикато скрипокъ съ большимъ эффектомъ замѣняютъ чисто-испанскій аккомпаниментъ гитаръ;—кастаньеты своимъ легкимъ побрякиваньемъ сообщаютъ всему ритму колоритность, осязательность. Но и арфа, и кастаньеты было бы мало;—такіе эффекты могутъ встрѣтиться въ произведеніяхъ и Чуньи и Штрауса; здѣсь, кромѣ этого блестящаго *колорита*, есть глубокое, внутреннее достоинство сочиненія, *рисунка* богатѣйшаго, художественнаго развитія мысли, живьемъ выхваченной изъ народности испанской.

Я знаю здѣсь многихъ музыкантовъ, которые отзываются объ этой музыкѣ чуть что не съ пренебреженіемъ. Въ Германіи (за исключеніемъ гениальнаго веймарскаго капельмейстера, который исполнялъ эту піесу въ придворныхъ концертахъ) музыкальные знатоки тоже не раскусили Бетховенской красоты этого произведенія, не выкинули дальше вѣшней, легкой, блестящей его колоритности. Все это не помѣшаетъ однако этой увертюрѣ быть весьма-значительнымъ листикомъ лавроваго вѣнца на челѣ гениальнѣйшаго изъ русскихъ музыкантовъ.

Вотъ кѣмъ можетъ и должна гордиться наша родина, какъ самобытнымъ, истинно-русскимъ художникомъ, а не безнаціональными «дополнителями» Мендельсона.

Новое утѣшительное явленіе для русскаго искусства молодой музыкантъ, котораго произведеніе было также исполнено въ концертѣ г. Вителіро, а именно: М. А. Балакиревъ. Его увертюра на русскія темы, конечно, еще не полное художественное произведеніе; въ общемъ впечатлѣніи эта піеса неудовлетворительна, ей какъ будто не достаетъ завершенности въ формѣ, законченности; темы изъ народныхъ пѣсень, отлично-выбранныя, прекрасно между собою сочетаютъ-

ся и мѣстами весьма-изящно расположены въ оркестрѣ, только въ общемъ теченіи желалось бы чего-то другого, а средняя разработка (*Mittelsatz*, выражаясь технически) недовольно-ясно вылилась.

Образцами для этого сочиненія видимо служила вторая испанская увертюра Глинки (*Souvenirs de Seville, A-dur*) и нѣкоторыя изъ симфоническихъ произведеній Шумана. Подражая своимъ любимымъ авторамъ, даже невыгоднымъ ихъ сторонамъ, молодой композиторъ, при всемъ замѣчательномъ дарованіи, не совладалъ еще вполне съ своими мыслями;—тѣмъ не менѣе тутъ уже много истинной музыки, съ настоящею музыкальною *сердцевиною*; почти въ каждомъ тактѣ виденъ сильный талантъ и къ тонкимъ, чисто-славянскимъ гармоническимъ сочетаніямъ, и къ превосходной, деликатной, сочной, колоритной оркестровкѣ.

Есть страницы въ этой увертюрѣ, подъ которыми самъ Глинка не призадумался бы подписать свое имя.

Въ строгомъ смыслѣ молодой художникъ теперь подаетъ намъ только отрадные надежды, подготавливаетъ свою богатую палитру; но за эти надежды, за эту палитру можно отдать десять такихъ «картинъ» какъ нѣкал европейски-прославленная симфонія.

Публика наша, всегда недоумѣвающая въ предметахъ для нея новыхъ, приняла увертюру М. А. Балакирева весьма-холодно. Этого, конечно, онъ еще долго, долго не избѣгнетъ, хотя бы развился до самой блистательной степени, хотя бы со-временемъ сталъ лучшимъ представителемъ русской школы. На равнодушіе русской публики къ себѣ онъ долженъ быть заранѣе готовъ, потому что онъ—Балакиревъ, не *Балакирики*, не *Балкириштейнъ*...

Въ концертѣ участвовала г-жа Леонова и, по обыкновенію, произвела фуроръ своимъ симпатическимъ голосомъ и выразительностью пѣнія. (Исполнители скорѣе сочинителей пѣняются по достоинству, даже и у насъ).

На афишѣ стояли еще г. Мео, г. Пальтриньери, г. Васильевъ. Въ концертѣ эти господа не явились. Эта «игра» съ публикой должна бы, по настоящему, какъ уже было замѣчено въ нашихъ столбцахъ, обратить на себя вниманіе начальства, какъ нарушеніе *правъ* театралныхъ посѣтителей, какъ полицейское преступленіе... Хорошо еще, что на этотъ разъ, отъ неучастія упомянутыхъ господъ, и безъ того длинный концертъ скорѣе выигралъ нежели проигралъ.

Живыя картины А. Роллера прелестны, вполне-художественны. «Фридрихъ Второй», «Послушница», «Елена»—«*chefs-d'oeuvre*» этого рода зрѣлищъ. Одинъ г. Роллеръ понимаетъ всю *магическую* силу освѣщенія.

Во время картинъ, кромѣ одной только (*wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang*), оркестръ наигрывалъ отчаянно-трепучіе танцы. Такой обычай, исполнять во время зрѣлища музыку *нисколько* къ этому зрѣлищу не подходящую, еще отзывается младенчествомъ, варварскими временами искусства.

Передъ вами дѣвушка, которая смиренно, богобоязненно и грустно вступаетъ въ монастырь, а въ оркестрѣ шумитъ «кадриль» съ бубнами и барабанами!...

Передъ вами Фаустъ, Мефистофель и Елена, а въ оркестрѣ—полька съ колокольчиками!...

Неужели такъ трудно подумать о гармоничности впечатлѣній зрѣнія и впечатлѣній слуха? Эта гармоничность вызывается внутреннимъ эстетическимъ чувствомъ каждого пра-

вильно-развитаго человѣка и пора бы составителямъ концертовъ объ ней хоть немножко позаботиться.

А. СВРОВЪ.

Прочіе концерты — Г. Вителаро. — Русскіе хоры в концертъ въ ихъ пользу. — Концертъ въ пользу бѣднаго семейства. — Неумѣстная выходка. — Концерты: гг. Васильева, Ратковскаго и Погочева.

Чтобы покончить съ концертами, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ въ послѣднее время. Конечно, сказать обо всѣхъ невозможно, да что и за надобность читателямъ до концертовъ напр. гг. *пріѣзжающихъ* (какъ гласитъ афиша) *въ первый разъ въ Россію*, точно будто бы отъ этой оговорки талантъ ихъ выигрываетъ. Большая часть господъ этихъ также неизвѣстна въ остальной Европѣ, какъ у насъ, и Россіи, рѣшительно все равно, *пріѣзжаютъ* ли они въ первый, или во второй разъ. Что за надобность намъ до тѣхъ концертовъ, въ которые собирается нѣсколько десятковъ пріятелей, усердно хлопочущихъ всѣмъ и всему безъ разбора, такъ только, для всеобщей потѣхи;—конечно, разборамъ такихъ концертовъ нѣтъ мѣста въ столбцахъ Вѣстника и, вѣроятно, читатели наши скажутъ намъ за это спасибо. И такъ покончимъ же скорѣе расчетъ нашъ съ концертами. О концертѣ полезнаго и весьма добросовѣстнаго учителя пѣнія и дирижера русскихъ хоровъ, г. Вителаро, сказано выше, о г. Вителаро и полезной его дѣятельности мы говорили еще недавно; прибавимъ еще разъ, что русскіе наши хоры съ каждымъ годомъ достигаютъ образцоваго совершенства, за что большое спасибо г-ну Вителаро. Весьма похвальны также рачительность и стараніе нашихъ хоровъ, а потому мы съ удовольствіемъ узнали, что 16 апрѣля данъ будетъ (въ видахъ поощренія) концертъ въ пользу нашихъ хоровъ, въ которомъ главнѣйшими исполнителями явятся, кромѣ извѣстныхъ артистовъ, самые же хоры. Душевно желаемъ имъ хорошаго успѣха и полного сбора. Русскій хоръ въ полномъ смыслѣ заслужилъ поощреніе со стороны публики и надѣмся, что публика наша не окажется неблагоприятною за доставленное ей такъ часто удовольствіе.

Концертъ въ пользу бѣднаго семейства, программу котораго мы сообщали, состоялся блистательнымъ образомъ. Довольно исчислить имена участвовавшихъ, чтобы убѣдиться, что присутствовавшіе вдвойнѣ наслаждались добрымъ дѣломъ: г-жи Леонова, Доттини, г-да Антонъ Контскій, Коллосанти, Булаховъ, Зейфертъ и Пикель. Устройствомъ этого добраго дѣла занялся сотрудникъ нашъ А. Г. Контскій, на его имя было взято разрѣшеніе и вотъ почему и билеты были имъ подписаны; объясненіе это считаемъ необходимымъ. потому, что *знакомый* *человѣкъ* (въ послѣднемъ номерѣ Иллюстрацій) какъ-то странно упираетъ на эту подпись, увѣряя притомъ, что только г-жа Леонова поддержала концертъ. Не споримъ, что талантливая паша артистка доставила, по обыкновенію, всѣмъ истинное удовольствіе, но что же другіе артисты? неужели Контскій, Коллосанти, Доттини не въ состояніи, по мнѣнію *знакомаго* *человѣка*, придать интересъ? а былъ ли еще г. *знакомый* въ концертѣ?—это сомнительно, судя по его отчету; зачѣмъ же говорить о томъ, о чемъ не вѣдаемъ? Еще два слова: несмотря на то, что для г-жи Доттини не нашлся акомпанитеръ, она все-таки пріѣхала и сама себя акомпанировала: вотъ образчикъ, какъ за границею артисты пріучены уважать публику; совѣтуемъ поучиться у нихъ нѣкоторымъ изъ нашихъ, а мы долгомъ считаемъ поблагодарить не-

кренно г-жу Доттини за вниманіе, оказанное нашей публикѣ, тѣмъ болѣе, что она не ангажирована на слѣдующій сезонъ и можетъ быть убѣждаетъ навсегда. Просимъ замѣтить еще, что всѣмъ присутствовавшимъ въ концертѣ извѣстно было, въ чью именно пользу давался этотъ концертъ... Право, остро-ты рѣшительно не удаются г-ну *знакомого*. Г. Булаховъ прекрасно спѣлъ романсы изъ Пуританъ, — за что же такая немилость къ нему? Вотъ вамъ и спасибо за готовность къ добродѣлю! право нехорошо, г. *знакомый человекъ*!

Талантливый нашъ пѣвецъ г. Васильевъ 1-й давалъ съ успѣхомъ концертъ въ залѣ Благороднаго Собранія. Къ сожалѣнію намъ не удалось быть, но тѣмъ не менѣе мы сочли долгомъ внести въ нашу лѣтопись концертъ нашего русскаго артиста.

Мы неоднократно говорили о добросовѣстномъ и талантливомъ артистѣ, г-нѣ Ратковскомъ. Концертъ его въ университетской залѣ былъ тоже весьма интересенъ. Г. Ратковскій опять съ большимъ успѣхомъ исполнилъ нѣсколько нѣмецкихъ пѣсень (Lieder), ему много аплодировали и онъ вполне заслужилъ эти аплодисменты. Жаль только, что онъ рѣшился исполнить съ г. Сетовымъ знаменитый дуэтъ изъ оперы «Зора». Коларатурное пѣніе не идетъ ни одному, ни другому, а послѣ гг. Еверади и Тамберлина исполненіе этого замѣчательнаго дуэта казалось намъ тѣмъ болѣе неудачнымъ, если не сказать карикатурнымъ. Мы любимъ и уважаемъ г. Ратковского, но нашъ девизъ — правда, и мы не могли похвалить его за дуэтъ; за-то спасибо за остальное. Участіе въ концертѣ гг. Лауба, Антона Контскаго придало ему много блеска. Тріо г. Контскаго опять было исполнено съ большимъ успѣхомъ композиторомъ, гг. Зейфертомъ и Лаубомъ. Что за могучій смычекъ, какое мастерское исполненіе у г. Лауба! великолепно! восхитительно! а нащипъ же господина, которымъ игра этого замѣчательнаго артиста показывается скудною... извольте же послѣ этого трудиться всю жизнь... добиваться славы! Г. Сетовъ прекрасно, съ увлеченіемъ исполнилъ романсы «Хуторокъ» и тутъ онъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Г-жа Кохъ очень-много спѣла романсы изъ Цыганки и ей много рукоплескали. Г-нъ Зейфертъ нашъ талантливый виолончелистъ съ успѣхомъ исполнилъ фантазію собственнаго сочиненія.

Давалъ еще концертъ талантливый русскій окрипачъ г. Погосевъ, ученикъ г. Маурера; — виноваты, намъ никакъ нельзя было быть, но о г. Погосевѣ поговариваютъ очень-много хорошаго и мы постараемся познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Были еще концерты... но не довольно ли? пожалуй что и такъ, — а потому баста объ концертахъ.

М. РАППАПОРТЪ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Концерты пяти недѣль поета. — Итальянцы. — Ал. Контевіи. — Семейство Рачель. — Г-жа Бушекъ и Леонова. — Будущіе концерты. — Генрихъ Герцъ.

Скоро грянетъ послѣдній финальный аккордъ огромнаго пятинедѣльнаго концерта и снова надолго затихнутъ и успокоятся всевозможные солисты и солистки, вокальные и инструментальныя. — Прежде нежели наступитъ эта вождельная минута, спѣшу сказать вамъ хотя нѣсколько словъ о минувшемъ и подѣлиться съ вами впечатлѣніями, имъ оставленными. Сверхъ всякаго ожиданія, нынѣшній музыкальный сезонъ, при всѣхъ его обиліи концертовъ, представилъ до на-

стоящей минуты очень мало новаго и замѣчательнаго. У насъ были и Итальянцы и Аполлинарій Контскій, но, несмотря на всю ихъ знаменитость, они оставили въ публикѣ самое странное воспоминаніе. Три концерта Итальянцевъ были съ одной стороны грустной пародіей на искусство, съ другой — жалкой спекуляціей, насчетъ громкихъ именъ, выманить у публики огромныя деньги. Итальянцы явились сюда по приглашенію нѣкоторыхъ лицъ изъ иностранцевъ, для концертовъ въ пользу благотворительнаго заведенія. По обязательству, заключенному съ этими лицами, они должны были дать только три концерта и не могли уже затѣмъ пѣть ни въ свою пользу, ни гдѣ бы ни было въ Москвѣ публично. Плата за три концерта была имъ асюрирована впередъ, между тѣмъ стремленіе публики слышать пріѣзжихъ гостей было на-столько велико, что распорядители, благодаря непомѣрно высокимъ цѣнамъ, собрали едва ли не вдвое заплаченного ими артистамъ. Билеты мгновенно расхватились на всѣ три концерта и вѣроятно это дало возможность и распорядителямъ и артистамъ совершенно успокоиться въ отношеніи хотя какого-либо вниманія къ публикѣ, заплатившей за билеты огромныя деньги. Не говоря уже о томъ, что составъ трехъ концертовъ былъ почти одинъ и тотъ же, нельзя не замѣтить, что артисты по какимъ-то страннымъ обстоятельствамъ оказались большею частію не въ голосѣ. Очень можетъ быть, что этому причиной былъ московскій климатъ, хотя въ прежніе свои пріѣзды сюда артисты на него не жаловались. Подъ защитой этого безголосья, гг. артисты разрѣшили себѣ пѣть почти все въ полголоса и притомъ сокращать и урѣзывать и арии, и дуэты, и самыя сцены ad libitum. Для примѣра приведу вамъ послѣдній нумеръ третьяго концерта въ театрѣ, гдѣ была назначена извѣстная сцена изъ оперы «Трубадуръ». Эта сцена сверхъ всякаго ожиданія началась не аріей а прямо тамтамомъ и хоромъ Miserere. — Что жъ вышло отъ этого пропуска? Хористы, не слышавшіе ни одного предварительнаго аккорда, кромѣ дикаго звука тамтама, сбились, неподготовленный оркестръ также едва попалъ на падающую ноту, однимъ словомъ вышла путаница, отъ которой вся сцена произвела на публику не отрадное, а скорѣе досадное впечатлѣніе, и его не могъ изгладить и самъ симпатичный Манрико. Не распространяюсь болѣе объ этихъ концертахъ, потому что о нихъ уже слишкомъ много сказано во многихъ здѣшнихъ журналахъ, слѣдовательно мои слова будутъ только повтореніемъ сказаннаго. Нельзя не пожелать одного впрочемъ, чтобъ подобныя «артистическіе» концерты съ сюрпризами встрѣчали менѣе сочувствія въ публикѣ, и чтобъ она показала наконецъ распорядителямъ подобныхъ благотворительныхъ концертовъ, что какъ она ни благосклонна, но явно, такъ-сказать въ глаза смѣяться надъ собой — не допустить.

Г. Аполлинарій Контскій, производившій нѣкогда фуроръ, въ нынѣшній пріѣздъ не могъ этимъ похвастаться. Я не говорю конечно о трескотнѣ рукоплесканій и безчисленномъ количествѣ вызововъ, которые онъ пожалуй и теперь здѣсь встрѣтилъ, но я говорю о прямомъ вниманіи публики. Въ первый его концертъ зала театра была значительно пуста, такъ что для втораго онъ возымѣлъ счастливую мысль пригласить сюда на одинъ вечеръ г. Вурма. Это имя конечно какъ нельзя болѣе способствовало успѣху концерта. Г. Вурмъ превосходно пропѣлъ на своемъ рождѣ нѣсколько арій и къ общему сожалѣнію на другой же день уѣхалъ опять въ Петербургъ. Что игралъ Ал. Контскій, вы вѣроятно догадываетесь: «Раскаяніе грѣшника», гдѣ были назна-

чены и терзанія души, и слезы покаянія, и прочее, «Воспоминаніе Мицкевича», «Венеціанскій карнавалъ», «Соловья» и т. п. Я уже сказалъ вамъ, что въ трескѣ рукоплесканій въ концертахъ Ан. Контскаго недостатка не было, но здѣсь слѣдуетъ добавить, что это былъ какой-то неестественный, усиленный трескъ верхнихъ слоевъ публики, сначала было возбуждившій въ нижнихъ слояхъ сильное шиканье, но потомъ уже оставленный безъ вниманія, какъ нѣчто неразлучное съ концертами этого знаменитаго артиста. Много разъ уже вѣроятно и вамъ приходилось сѣтовать на публику при явной несправедливости, которая иногда въ ней оказывается. Здѣсь подобное сѣтованіе какъ нельзя болѣе кстати въ настоящую минуту. Теперь здѣсь извѣстное вамъ семейство Рачекъ. Что можетъ быть художественнѣе, отчетливѣе, увлекательнѣе игры ихъ, между тѣмъ они едва собирали половину Малаго Театра въ своихъ концертахъ, между тѣмъ какъ Контскій, если и не съ прежнимъ успѣхомъ, то все-таки очень достаточно собиралъ Большой?... Утѣшительно то по крайней мѣрѣ, что на сторонѣ первыхъ до сихъ поръ остается дѣйствительный, неподготовленный успѣхъ, что вѣроятно всякому истинному артисту несравненно дороже, чѣмъ вся невыносимая трескотня и крики друзей и «почитателей»; «Всею своя есть мѣра, всею есть свой предѣлъ», какъ расписываетъ кто-то и въ какой-то оперѣ.

Изъ прочихъ концертовъ очень видное мѣсто занялъ концертъ примадонны здѣшняго театра, г-жи Бушекъ, по участию въ немъ самой г-жи Бушекъ и въ особенности г-жи Леоновой. Она съ половины января услаждала здѣшнюю публику своимъ задушевнымъ пѣніемъ и въ оперѣ, и въ небольшихъ піеесахъ, а здѣсь съ огромнымъ успѣхомъ пропѣла извѣстные вамъ романсы: «Не горюй, не тоскуй» и «Да и позабыла». Считаю лишнимъ добавлять, что она произвела ими фуроръ и нѣсколько разъ ихъ повторила. Публика была крайне огорчена извѣстіемъ, что г-жа Леонова уѣзжаетъ въ Петербургъ, не давъ здѣсь концерта, и потому г-жа Леонова по общему желанію доставила возможность, хотя немногимъ, на частномъ музыкальномъ вечерѣ прослушать нѣсколько арій и романсовъ. Успѣхъ этихъ романсовъ былъ конечно огромный.

По части классической музыки мы имѣли два музыкальные утра, въ которыхъ участвовали гг. Герберъ, Кларотъ, А. Шмитъ и Н. Рубинштейнъ. Въ оба эти утра здѣсь были превосходно исполнены многія произведенія Бетховена, К. М. Вебера, Шпора, Мендельсона и Гуммеля. Слушателей классической музыки набралось очень достаточно и вѣроятно они остались вполне довольны исполненіемъ безсмертныхъ произведеній. Еще въ нынѣшнемъ году устроились два концерта въ здѣшнемъ университетѣ. Я не успѣлъ лично быть въ нихъ, но, по общему отзыву бывшихъ, оба эти концерта были также очень замѣчательны.

Вотъ почти все, что можно извлечь изъ длиннаго ряда бывшихъ концертовъ. Конечно и въ остальныхъ можетъ быть набралось бы еще какія-нибудь замѣчательности, но исчислить ихъ не составитъ особой занимательности. На этомъ основаніи повторяю, что исключительное вниманіе публики въ минувшій сезонъ вышло на долю... Итальянцевъ... (это обманувшееся вниманіе) и затѣмъ на долю г-на Контскаго; справедливое первенство осталось за семействомъ Рачекъ. Лучшими исполнителями въ концертахъ являлись пианисты: Ополе, Рубинштейнъ и Вивьенъ, скрипачи: Герберъ, Кларотъ, виолончелистъ Шмидтъ, вашъ знакомецъ Вурмъ и

здѣшніе оперные соллисты: г-жи Бушекъ, Семенова, гг. Владиславлевъ и Божановскій. Въ будущемъ предстоитъ нынче концертъ знаменитаго Герца и затѣмъ два очень хорошо составленные концерта г. Божановскаго и католической сиротской школы.

Афиша послѣдняго концерта служить лучшимъ доказательствомъ, какъ должно добросовѣстно дѣйствовать съ благотворительною цѣлю. Она объявляетъ прямо, что артисты московскихъ театровъ, г-жи Бушекъ и Легошина, гг. Владиславлевъ и Божановскій съ участіемъ семейства Рачекъ даютъ концертъ въ пользу сиротской школы католической церкви. Не гораздо ли это проще и лучше, чѣмъ замаскировать благотворительный концертъ какимъ-нибудь заграничнымъ именемъ и потомъ претендовать на тѣхъ, кто не выполнитъ благотворительной цѣли концерта. Гдѣ благая цѣль, тамъ не слѣдуетъ прибѣгать ни къ какимъ уверткамъ и хитростямъ, чтобы этимъ и на самое дѣло благотворенія не навлечь тѣни какой-нибудь аферы.

На прошлой недѣлѣ явились сюда ваши знакомцы карлпки, по сверхъ ожиданія Москва слишкомъ мало заинтересовалась ими. До сихъ поръ представленія ихъ очень пустыны. Причиной этому можетъ быть и то, что они расписываютъ свои пѣсенки и рассказываютъ свои побасеночки по-нѣмецки, а здѣсь этотъ языкъ не слишкомъ въ большомъ ходу. Они скоро уѣзжаютъ за границу и едва ли вознаграждать издержки на пріѣздъ въ Москву.

Сейчасъ возвратясь изъ концерта Генриха Герца, дополню вамъ нѣсколько словъ для полноты обзора. Концертъ знаменитаго артиста, какъ и надо было ожидать, былъ вполне блистательный. Все лучшее общество собралось послушать рѣдкаго гостя и зала Большаго Театра почти наполнилась посѣтителями. Съ перваго взгляда могло показаться страннымъ особое обиліе дамъ въ концертѣ г. Герца, по эта загадка разрѣшалась тѣмъ обиліемъ произведеній Герца, которыми онъ еще съ пансіонскаго юпитра становится близко знакомъ его многочисленнымъ исполнительницамъ. По этой-то причинѣ вѣроятно онъ и собрался сюда прослушать своего любимого композитора и, какъ было замѣтно, вполне раздѣляли его заслуженный успѣхъ. Въ этомъ успѣхѣ не было ничего заранее расптаннаго и подготовленнаго. Онъ шелъ crescendo съ самаго появленія артиста-композитора и съ первыхъ его нотъ. Громкіе, единодушные рукоплесканія и вызовы лучше всего могли доказать артисту, какъ здѣшняя публика встрѣтила и оцѣнила его талантъ и искусство. Нѣтъ сомнѣнія, что второй его концертъ, въ пятницу, будетъ еще блистательнѣе.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

29-го марта.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Что готовятъ петербургскіе театры новаго. — Пріѣхавшія и уѣхавшія актеры. — Новое художественное изданіе. — Концертъ французскихъ орфеонистовъ. — Альбомъ и Россійская Десядемона. — Вѣсти изъ Берлина, Венеціи, Мюнхена и Милана.

Концерты кончились, кончается постъ, и скоро театры наши опять откроютъ двери свои, уже не для меломановъ, а для театраловъ, въ прямомъ значеніи этого слова. Весна бываетъ, обыкновенно, небогата театральными новостями, но нынѣшняя общается не походить на своихъ предшественницъ.

Мы говорили уже, что русская оперная труппа разучиваетъ новую оперу г. Фитингофа, о которой говорятъ очень много хорошаго.

Балетная труппа готовится, для г-жи Петипа и г. Кшесинскаго, что-то новое, по что именно—хорошенько еще не знаемъ. Говорятъ, что у г-жи Петипа будетъ небольшой новый балетъ и что г. Кшесинскій ставитъ, между прочимъ, *персидскіе танцы* (дивертисементъ), исполняемые въ Варшавѣ съ большимъ успѣхомъ.

Русская драматическая труппа репетируетъ новую комедію «Банкротъ», въ которой главную роль будетъ играть г. Самойловъ. Г-жа Подобѣдова 2-я, которая выйдетъ на-дняхъ изъ Театрального Училища, также будетъ играть въ этой пьесѣ.

Пріѣхалъ изъ Харькова новый актеръ г. Пронскій, пріѣхала изъ Казани г-жа Прокофьева; за-то много нашихъ актеровъ и актрисъ уѣзжаютъ на лѣто изъ Петербурга. Г. Мартыновъ въ настоящее время уже за границей, г. Григорьевъ уѣхалъ куда-то на югъ, г. Яблочкинъ въ Новочеркасскъ, г. Степановъ въ Саратовъ, обѣ сестры Слѣтковы и Муравьева уѣзжаютъ за границу. Нового въ театральномъ мірѣ, какъ видите, много. А вотъ новость другаго рода, которая также подлежитъ нашему вѣдѣнію, потому что имѣетъ художественное значеніе.

Въ половинѣ мая мѣсяца выйдетъ первый выпускъ великолѣпнаго изданія, предпринимаемаго съ цѣлію познакомить Европу съ художественными сокровищами нашего отечества; оно будетъ издаваться подъ редакцію Теодора Готье, который для него только пріѣзжалъ къ намъ и скоро опять возвратится. Изданіе это будетъ выходить подъ названіемъ: «*Trésors artistiques de la Russie ancienne et moderne*»; художественная часть его поручена г. Ришбургу, придворному фотографу императора Французовъ. Все, что есть замѣчательнаго въ художественномъ отношеніи въ Петербургѣ и въ Москвѣ, будетъ описано даровитымъ Т. Готье и воспроизведено фотографіей. На изданіе получено Высочайшее разрѣшеніе. Оно будетъ появляться черезъ каждые два мѣсяца выпусками въ 24 странички in folio съ 12-ю гелиографическими снимками. Все изданіе будетъ состоять изъ шестнадцати съ половиною выпусковъ, т. е. изъ четырехеотъ страничекъ и двухеотъ фотографій. Цѣна каждому выпуску 24 рубля, а всему изданію 400 рублей.

Изъ нашихъ провинцій, по случаю поста, извѣстій мало, а потому переходимъ прямо къ новостямъ заграничнымъ.

— На главныхъ, т. е. лучшихъ парижскихъ театрахъ нѣтъ ничего новаго, а о новостяхъ театровъ второстепенныхъ говорить не рѣшаемся, чтобъ не надоесть читателямъ. Всѣ эти запутанныя и страшныя драмы, которымъ рукоплещетъ бульварная парижская публика, существуютъ выѣ законовъ истиннаго искусства и представляютъ только мѣстный интересъ,—оставимъ же ихъ въ покоѣ хоть на сегодняшний разъ, тѣмъ болѣе, что намъ нужно мѣсто для извѣстій занимательныхъ.

Вы, можетъ быть, не знаете, что во Франціи существуетъ, въ настоящее время, сто десѣтъ хоральныхъ обществъ, что тамъ преподаваніе музыки распространяется во всѣхъ сословіяхъ и что нѣтъ почти учебнаго заведенія, гдѣ бы не преподавалась музыка, какъ искусство цивилизующее, смягчающее народные нравы. Не худо было бы и у насъ подумать объ этомъ вопросѣ, какъ нельзя болѣе современномъ; музыка могла бы сдѣлаться сильнымъ врагомъ пьянству, противникомъ его откупщиковъ, могла бы парализовать ихъ эгоистическія и антигуманныя усилія къ распространенію употребленія пьяныхъ напитковъ. Во Франціи, по словамъ Фран-

цузовъ, музыка имѣла это благотворное вліяніе. Овертъ того французскія хоральныя общества дѣлаютъ много другаго добра; всѣ они существуютъ недавно, а уже собрали въ пользу бѣдныхъ 187,500 франковъ.

Недавно данъ былъ въ Парижѣ, во *Дворцѣ промышленности*, французскими орфеонистами концертъ, въ которомъ, благодаря содѣйствію провинціальныхъ хоральныхъ обществъ, приняли участіе 6000 исполнителей. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ концертѣ одинъ изъ парижскихъ музыкальных критиковъ:

«Огромная зала Дворца промышленности была совершенно полна народомъ; многими принуждены были отказать въ билетахъ. Зрѣлище было великолѣпное. Въ глубинѣ, на амфитеатрѣ, помѣщались шесть тысячъ пѣльцовъ, головы которыхъ представляли огромную пирамиду, въ родѣ тѣхъ, которыя складываются изъ пушечныхъ ядеръ; въ залѣ и въ ложахъ толпились мужчины и разряженные женщины; вдоль всей галлерей были развѣшаны знамена всѣхъ хоральныхъ обществъ; все это, освѣщенное яркими солнечными лучами, представляло чудную картину, какую трудно себѣ представить. Было около шести часовъ, когда, по окончаніи смотра войскамъ, императоръ, императрица, принцесса Клотильда, принцесса Матильда и принцъ Наполеонъ прибыли въ приготовленную для нихъ ложу. Громадный хоръ возгласилъ гимнъ *Domine salvem*, за которымъ последовалъ сенту-еръ изъ *Гугенотовъ*, исполненный превосходно. Этотъ чудесный отрывокъ, пропѣтый шестью тысячами голосовъ, произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Императоръ изъявилъ желаніе поблагодарить капельмейстера, г. Делапрада, который вошелъ въ императорскую ложу и бесѣдовалъ нѣсколько времени съ ихъ величествами. Возвратившись на мѣсто, онъ далъ знакъ, что хочетъ говорить и произнесъ небольшую рѣчь, въ которой сказалъ, что императоръ благодаритъ орфеонистовъ, приглашаетъ ихъ посѣтить безплатно оперное представленіе и позволяетъ имъ дать еще концертъ въ пользу бѣдныхъ. Концертъ кончился въ половинѣ седьмого.»

Мы уже говорили, что Тамберникъ въ Парижѣ, гдѣ успѣлъ снѣтъ нѣсколько ролей своего репертуара, въ томъ числѣ, разумѣется, и *Отелло*. По поводу этой оперы случился довольно забавный анекдотъ: директоръ Итальянскаго Театра, г. Кальцано, не зная, кому поручить партію *Дездемоны*, послалъ ее къ г-жѣ Альбони, которая удивилась такой посылкѣ и приказала сказать, что только тогда согласится пѣть, когда Россини переищетъ партію для ея голоса, а парижскіе врачи найдутъ средства уменьшить ея тучность, которая вовсе нейдетъ къ Дездемонѣ. Роль поручили старинной нашей знакомкѣ, г-жѣ Кастоланъ.

— Итальянскій оперный сезонъ въ Берлинѣ откроется 1 апрѣля представленіемъ *Нормы*; главную роль играла г-жа Лафонъ, *Ададжиу*—г-жа Леманъ, *Севера*—Веттини, *Орвега*—Кьевера.

Пробы Рубинштейновой ораторіи «Потерянный рай» должны были начаться 6 апрѣля. Капельмейстеръ Гельмессбергъ и исполнители отзываются съ похвалою о нѣкоторыхъ мѣстахъ этого произведенія.

— Рихардъ Вагнеръ переселился изъ Венеціи въ Люцернъ, гдѣ допишетъ третье дѣйствіе своей новой оперы «Тристанъ и Изольда», затѣмъ онъ отправится въ Нью-Йоркъ, чтобы управлять постановкою на тамошнюю сцену своихъ оперъ.

— Нѣмецкіе журналы отзываются съ большою похвалою о

новой комедии Александра Ринглера: «Торжество любви», представленной на мюнхенской сцене. Ринглер написал уже несколько комедий, пользующихся в Германии большим успехом. У нас его имя совсем неизвестно, как неизвестны, благодаря монополии, которою пользуются на нашей сцене Французы, имена большей части современных немецких драматургов.

— Из Милана пишут от 25 марта, что новая опера *Петреллы*: «Герцог Сцилла», о которой приверженцы Вердиевской школы прокричали чудеса, имела весьма слабый успех. Эта опера слабее прежних произведений того же композитора.

М. Р.

ЮНОСТЬ БЕТХОВЕНА.

(Окончание).

«Ты мог бы сделать что-нибудь по существу!» сказал Моцарт, смеясь, — «твое пиане похоже на скрип немытой двери».

Шиканедер взял большую щепоть табаку и заговорил с важной миной: «Говорю вам, пиане в опере — чисто постороннее тело — я знаю публику; — впрочем я меняюсь и хорошие пианцы, и, что касается до меня, то постараюсь порадовать тебя, Моцарт. К моему платью из перьев и велел придать павлиний хвост; когда Папагено будет радоваться, или испугаться, или будет бояться, или любопытствовать, — тогда я потяну за ленту, хвост развернется колесом и будет поворачиваться направо и налево; — если все это человечество не примет аплодировать, тогда вам уже ничем пособить нельзя».

Все громко смеялось высокому воззрению на искусство этого превосходного импресарио, а он все повторял очень серьезно свое: «Говорю вам, я знаю публику».

Многие из друзей Моцарта и Шиканедера подошли к ним, между ними был и ученик Моцарта Зюсманн и Волф, также аббат Стадлер и превосходный тенор Пейерль. Поболтав еще с час и послушав несколько пьес Моцарта, пошли к столу. Шиканедер не поскупился, особенно в запас вина, и угощение было в самом деле роскошное. Несмотря на болезненный вид, Моцарт был в самом веселом расположении духа, а его милое, любезное настроение увлекло и всех других.

Когда встали из-за стола и подавали кофе, Моцарт взял гостя своего в углубление окна и заботливо спросил: «Вы проехали через Лейпциг?»

Людвиг отвечал утвердительно.

— «Долго вы в нем останавливались?»

«Ничуть, я только проехал через Лейпциг!»

— «Жаль, я очень люблю этот город и имю в нем многих друзей, — лучшего друга моего, старого, доброго Дилея похоронили они, — но и другие — славные люди, и если вы поедете назад, то вы должны пробыть там долже, — я дам вам рекомендательные письма. Но теперь прошу, расскажите мне ваши дела, чему вы учились и как? Если могу быть вам полезен, — то вот вам моя рука вместо обещания».

«Превосходный человек!» воскликнул Людвиг, взяв поданную ему руку. Потом рассказал откровенно о себе и о своих планах, чему он учился и что ему пришлось. Моцарт слушал его с ласковой улыбкой, и когда он кон-

чил, взял Людвиг быстро за руку и, воскликнув: «Я хочу слышать, как вы играете?», — привел его к прекрасному роялю, открыл его и дружески предложил ему выбрать ноты по вкусу.

«Задайте мне какую-нибудь тему!» сказал его Людвиг.

Моцарт с удивлением взглянул на Бетховена и прошептал, быстро набрасывая несколько линейек: «Подожди! вот я тебя поймаю!» Он подал листок Бетховену, — Людвиг с изумлением замечал, что тема была труднейшая хроматическая fuga. Но несколько не смущавшись, молодой человек тотчас же принялся исполнять ее со всевозможным старанием.

С первых тактов Моцарт сделался очень внимателен. — Что это?... произнес он вполголоса и пригнулся к играющему. Людвиг слышал восклицание великого мастера и игра его сделалась еще совершеннее и увлекательнее.

Бледные щеки Моцарта покрылись ярким румянцем; все черты лица оживились, с блестящими от радости глазами, на щечках, прошел он в залу и прошептал сидевшим там: «Припомните мои слова! — вот этот вам скоро расскажет чудеса!»

Но Людвиг не мог вынести чрезмерной радости; окончив свою импровизацию сильным аккордом, молодой человек бросился за великим мастером в залу, и прижимая его руки к своему сердцу, рыдая спросил: Могу я также называться артистом?

— Конечно, клянусь Богом! вскричал Моцарт; вы обыкновенный человек! Конечно, вы артист, художник, а чего вам недостает, то вы сами найдете и усвоите себе, но, главное, в вас есть божественная искра вдохновения, дарованная вам еще при рождении. — Приблизьте скорее опять в Вену, слышите ли, как можно скорее! Старик Гайдн, Альбрехтсбергер, мой друг Стадлер и я примем вас с распростертыми объятиями и, если вам будет нужно, поможем советами как только умеем. И все окружили genialного юношу и приветствовали его, как достойного собрата по искусству. Даже уморительный Шиканедер стал обращаться с Бетховеном с некоторым уважением и сказал: — Говорю вам, я знаю публику: знаю, что ей надо; мы поговорим об этом с вами вечером, за бутылкой вина.

— «Я также артист!» шептал радостно Людвиг, возвращаясь домой от Моцарта.

Спокойно и с сладкой надеждой поехал он назад в Бонн, с твердым намерением, как можно скорее возвратиться снова в чудную столицу.

Намерение Бетховена скоро осуществилось. Только благородного Моцарта он не застал уже в живых и даже никто не мог указать ему, где покоился прах великого мастера, но гений Моцарта осчастливил его и всему миру известно, как Гайдн почтил последнее желание своего друга.

Затем оканчиваем картины из юности величайшего композитора новейших времен. — Грустно прошло детство Бетховена, грустно прошла и юность, а пишущий эти строки был свидетелем страданий великого человека, между тем как он приготовлял нам «радости, чистой духовной радости!» (Freude, reine geistige Freude!)

Но Бетховен был художник, он исполнил свое высокое назначение на земле, и это сознание придало ему силы жить в мире страданий до тех пор, пока пришла время про-

ститься съ жизнью, и онъ умеръ радостно, «какъ герой, одержавшій побѣду!»

Горечь первой любви онъ высказалъ въ *Аделаидѣ*; но чистая душа его забыла и простила измѣну и онъ воспѣлъ вѣрность въ *Леонорѣ*, а въ *Эмильѣ* описалъ геройство и побѣду великаго вождя.

Прислушайтесь къ музыкѣ Бетховена: въ пей слышится и теплая молитва, и свѣтлая радость, и святая надежда; въ пей проявляется божественное вдохновеніе и все въ ней дышетъ безконечной, всеобъемлющей любовью!

Таковы всѣ произведенія Бетховена; слушая ихъ, невольно припомнишь слова святаго гимна:

«Seid umschlungen Millionen!
Diesen Kuss — der ganzen Welt.
Brüder!! — über'm Sternenzelt
Muss ein lieber Vater wohnen»!...

НОВОИЗДАННЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Не дѣлая подробнаго разбора, обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія, издаваемыя въ послѣднее время:

для двухъ фортепіано въ 4 руки:

- ШОПЕНЪ. Этюда (op. 25), аранжированная А. Гензельтомъ. » » 85 коп.
КРАМЕРЪ. Этюды (три тетради), аранжиров. имъ же; первыя 2 тетради по . . . 2 р. 50 —
послѣдняя 3 р. » —
МОШЕЛЕСЪ. Этюда, аранж. имъ же . . . 1 р. » —

для одного фортепіано въ 4 руки:

- БЕЙЕРЪ. «Les delassements» (легкія піесы), тетрадями по 1 р. » —
ШОПЕНЪ. Два вальса (mélancoliques) . . . » » 75 —
МАРКСЪ. Попурри на любимыя мотивы изъ Трубадура (новое изданіе въ большомъ форматѣ) 2 р. » —
РИЧЧИ. Тарантелла, исполняемая съ успѣхомъ въ оперѣ «Цыганка» 1 р. 30 —

въ 2 руки:

- БЕТХОВЕНЪ. Соната (op. 90) 1 р. 15 —
ГОРІЯ. Капризъ, ноктюрнъ » » 60 —
ГЕНЗЕЛЬТЪ. «Exercices préparatoires» (подготовительныя упражненія), 3-е изданіе 2 р. » —
ГЕРЦЪ. «La Rosée du matin» (утренняя роса). » » 85 —
— «Reverie» ноктюрнъ » » 85 —
КОНТСКІЙ АНТОНЪ. «Gage d'amitié» (meditation) » » 75 —

Всѣ эти піесы можно получать въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфберга, № 27.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

- ВЕЛЕ. «Brindisi» (застольная пісня) . . . » » 85 —
— 3-й большой вальсъ » » 75 —

танцы:

- БИЛЬСЕ. «Caecilien», маршъ » » 30 —
ФАУСТЪ. «Банкетъ», кадрили » » 60 —
ГУНГЛЬ. «Лудмила», полька-мазурка . . . » » 50 —
СТРАУСЪ. «Марта», кадрили » » 75 —

для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано:

- БАХМЕТЕВЪ. Осеній листъ » » 40 —
ЕВСЕЕВЪ. Её ужъ нѣтъ моей весны . . . » » 40 —
— Я люблю ты мнѣ твердила. Романсъ » » 40 —
ДОНИЦЕТИ. Прощальная піснь изъ оперы: «Дочь втораго полка» » » 50 —
ПАУФЛЕРЪ. Зоветъ меня женихъ. Романсъ . » » 75 —
БЕРДИ. Боллеро изъ оперы: Іоанна ди Гусманъ «Благодарю подруги» » » 75 —

разныя школы:

- КУММЕРЪ. К. Теоретическая и практическая школа для флейты, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ таблицами, этюдами и піесами для одной и двухъ флейтъ. Цѣна 3 р. — —
ЕВСЕЕВЪ. О. Школа пѣнія, для всѣхъ голосовъ приспособленная къ самоученію, второе исправленное изданіе. Цѣна 2 р. — —